42 4/55

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 38802
28-IV-1915
БИБЛІОТЕКА.

42 9/55

На правахъ рукописи.

Отзывъ на „Записку по поводу воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ Польскому народу“ Θ. Д. Самарина и др.

I.

Приближается время, когда русской государственной власти предстоитъ осуществить обѣщанія, выраженныя въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго къ Польскому народу.

Разсуждать о своевременности или несвоевременности этого воззванія и обсуждать его содержаніе теперь уже поздно, когда оно стало событіемъ совершившимся, которое никто и ничто устранить не въ состояніи. Но необычайно серьезныя послѣдствія для всего будущаго существованія Россіи отъ того или иного рѣшенія вопроса, возбужденнаго воз-

966/

званіемъ, естественно озабочиваютъ русскихъ людей и направляютъ ихъ къ изысканію наиболѣе удачнаго способа установленія добрыхъ отношеній между русскимъ и польскимъ народами, каковой составители записки „По поводу „Воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ Польскому народу“, усматриваютъ въ полномъ отдѣленіи отъ Россіи и образованіи изъ Польши въ этнографическихъ ея предѣлахъ совершенно самостоятельнаго государства“.

Мысль о такомъ разрѣшеніи Польскаго вопроса и раньше возникала въ умахъ многихъ русскихъ дѣятелей, потому-что на первый взглядъ такое рѣшеніе представляется самымъ простымъ и уничтожающимъ всякій поводъ къ дальнѣйшей ненависти и враждебности Поляковъ къ Россіи. Но это, именно, могло казаться при поверхностномъ взглядѣ, но въ дѣйствительности не устраняло причинъ къ враждебности, ибо польскія вожделѣнія далеко не удовлетворялись предѣлами „этнографической“ Польши, а простирались

до границъ 1770 года „отъ моря до моря", отъ чего, что извѣстно всякому знакомому съ направленіемъ польской политической мысли, они не отказались и до сихъ поръ. Возродивъ польское государство въ границахъ польской населенности, Россія удовлетворитъ польскія стремленія только на половину и не только не поселитъ въ польскихъ руководителяхъ чувства благодарности, вообще въ политикѣ не встрѣчающееся, но развяжетъ руки для удобнѣйшаго подготовленія къ отхвату отъ Россіи остального „забраннаго" края при первомъ-же удобномъ случаѣ, а возникновеніе таковаго болѣе чѣмъ вѣроятно при томъ положеніи, въ которомъ окажется Россія даже послѣ вполнѣ успѣшнаго окончанія настоящей войны съ Австро-германцами.

Трудно предугадать, какія отношенія сохранятся между великими державами четверного согласія, нынѣ тѣсно связанными общею опасностію порабощенія алчнымъ союзомъ германскихъ разбойниковъ, главное сопротивленіе которому оказываетъ

безспорно Россія, что, конечно, ясно сознается ея союзниками. Но, когда согласіе достигнетъ своей цѣли и опасность отъ засилія державъ центральной Европы минетъ, если не навсегда, то надолго и каждое изъ государствъ согласія обратится къ преслѣдованію своихъ собственныхъ интересовъ, легко можетъ случиться, что таковые не всегда будутъ во взаимномъ согласіи, а могутъ оказаться и въ противорѣчіи. Теперь согласницамъ Россіи до послѣдней крайности необходимо ея могущество, но съ обезсиленіемъ Австро-Германіи таковое уже не только не будетъ нужно ни Франціи, ни Англіи, въ особенности этой послѣдней, но можетъ оказаться очень досадной помѣхой при столкновеніи противуположныхъ интересовъ напр. въ Персіи, Малой Азіи, да и на нашей собственной землѣ въ стремленіи занять упраздненное мѣсто Германіи на нашемъ экономическомъ рынкѣ. Россія сейчасъ нужна какъ сила, а послѣ войны какъ предметъ эксплоатаціи. Настоящія отношенія къ намъ нашихъ союзниковъ не могутъ за-

ставить насъ забыть ихъ поведеніе въ несчастную войну съ Японіей. Не далѣе какъ въ 1913 году за нѣсколько мѣсяцевъ до начала нынѣшней борьбы при посѣщеніи короля Георга V Франціи, сопровождавшій его министръ иностранныхъ дѣлъ Грей на отрѣзъ отказался отъ вступленія въ союзъ съ Франціей и Россіей, предложенное ему нашимъ посломъ Извольскимъ и министромъ Франціи Пишономъ, заявивъ, что Англія будетъ преслѣдовать только свои интересы и не желаетъ связывать свободу своихъ дѣйствій интересами, ей чуждыми. Всѣ эти показатели приводятъ къ заключенію, какъ наиболѣе вѣроятному, что послѣ разгрома и обезсиленія Германіи и неизбѣжнаго распада Австро-Венгріи отношенія Франціи и Англіи къ Россіи будутъ въ лучшемъ случаѣ равнодушны. Что же касается только-что вступившей въ согласіе Италіи, то съ ней легко могутъ возникнуть столкновенія при выдѣлѣ вознагражденія за выступленіе при ея покушеніяхъ на прилегающіе къ ней славянскія земли, а также на почвѣ ея захватовъ въ Албаніи.

II.

Наисерьезнѣйшимъ послѣдствіемъ успѣшнаго окончанія настоящей войны, а въ таковомъ почти нѣтъ сомнѣнія, предположено завладѣніе нами проливами изъ Чериаго моря, а слѣдовательно и Царьградомъ. Пріобрѣтеніе это, конечно, драгоцѣнно и можетъ доставить Россіи большія выгоды въ міровой торговлѣ, но охраненіе этого пріобрѣтенія потребуетъ и громадныхъ затратъ и усилій, это во первыхъ, а во вторыхъ возбудитъ затаенную, но непримиримую противъ насъ злобу, ничуть не меньшую, чѣмъ польская въ тѣхъ, кто чаялъ самъ воспользоваться этимъ Турецкимъ наслѣдствомъ и считаетъ себя на него въ большемъ противъ насъ правѣ, а именно въ Греціи и Болгаріи. Къ нимъ же безъ сомнѣнія примкнетъ и Румынія. Если прибавить къ числу несомнѣнныхъ нашихъ враговъ разбитые остатки Австріи и Германіи, то окажется, что вся наша южная и западная граница будетъ окружена непримиримыми врагами, въ числѣ

которыхъ, и даже впереди всѣхъ, будетъ возрожденное нами Польское государство въ „этнографическихъ“ его границахъ.

Не слѣдуетъ также упускать изъ вида и то, что хотя въ Сѣверо и Юго-западныхъ губерніяхъ польское населеніе по количеству составляетъ ничтожное меньшинство, но въ его рукахъ находится вся экономическая сила и общественное вліяніе, пользуясь которыми употребляются настойчивыя усилія ополяченія края посредствомъ пропаганды, что мѣстное населеніе не составляетъ отрасль русскаго народа, но совершенно ему чуждо, что русское вліяніе на него держится только насиліемъ, а польское—высшей культурой.

Несомнѣнно, что всѣ симпатіи всего преобладающаго общественнаго слоя этого края будутъ на сторонѣ возстановленнаго Польскаго Государства и всѣ стремленія — къ соединенію съ нимъ. Такимъ образомъ вмѣсто нѣмецкаго „Drang nach Osten“ возникнетъ таковой-же польскій, вмѣсто нѣмецкихъ передовыхъ форпостовъ-колоній будутъ служить уже

готовыя польскія землевладѣнія, но еще болѣе вліятельныя по своему экономическому значенію для населенія. — Если прибавить къ этому еще дѣятельную пропаганду католицизма, да вспомнить какая масса поляковъ занимаетъ вліятельнѣйшіе посты въ русской администраціи и принять въ соображеніе мягкость и „безнародность“, какъ справедливо выражено въ запискѣ, нашей Государственной власти, вліятельныхъ общественныхъ круговъ и печати, склонныхъ отдавать все свое сочувствіе центробѣжнымъ стремленіямъ, то можно представить себѣ, какая огромная разрушительная сила скопится противъ цѣлости нашего Государства.

Если-бы поляки желали отъ насъ „только независимости и свободы“, какъ это значится въ приведенной выпискѣ изъ соч. Аксакова, то ихъ конечно вполнѣ удовлетворило-бы возрожденіе Польскаго государства, но Аксаковъ упустилъ, что кромѣ этого они желаютъ и огромный кусокъ русской земли, которую считаютъ своею. На удовлетвореніе

этого желанія ни русское правительство, ни русскій народъ согласиться конечно не могутъ, хотя, впрочемъ, и былъ Императоръ, намѣревавшійся присоединить къ Польшѣ западный край—Александръ I-й, не отказавшійся отъ этой мысли даже и тогда, когда второй польскій сеймъ, собранный Имъ 1 сентября 1820 г., сталъ въ положеніе, настолько враждебное правительству, что Императоръ былъ вынужденъ распустить его уже чрезъ мѣсяцъ—1 октября (Шильдеръ ч. IV стр. 179), но вѣдь онъ все-таки считалъ Польшу въ неразрывной связи съ Россіей, ея неотдѣлимой частью. Впрочемъ, Александръ I при всѣхъ его несомнѣнно выдающихся дарованіяхъ менѣе всего заботился о русскихъ интересахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. „Вся моя жизнь, насколько это зависитъ отъ меня, посвящена только заботамъ о дѣйствительномъ преуспѣяніи общественнаго блага Европы". (Письмо его къ Метерниху 4 янв. 1823 г. Шильдеръ ч. IV стр. 265). Этой фразой Императоръ совершенно вѣрно опредѣлилъ направленіе своей

дѣятельности во все свое царствованіе до послѣдняго года.

Такимъ образомъ цѣль, которая имѣется въ виду при образованіи самостоятельнаго Польскаго государства въ этнографическихъ предѣлахъ — возстановленіе добрыхъ отношеній Поляковъ къ Русскимъ (я не говорю о взаимности, потому-что со стороны русскаго общества они всегда были добрыми, а со стороны правительства—благожелательными) достигнута не будетъ, а только враждебности Поляковъ будетъ предоставлено болѣе удобствъ для подготовленія отторженія отъ Россіи неискупленной части польскаго государства. Слѣдовательно вопросъ сводится къ тому, что менѣе опасно и вредно для Россіи: имѣть-ли рядомъ съ собою независимое государство, завѣдомо враждебное, стремящееся къ поглощенію значительной части ея территоріи или-же имѣть въ своемъ подданствѣ народъ, готовый взбунтоваться при первой возможности? Впрочемъ, въ послѣднее предположеніе необходимо ввести существенную поправку: народъ

польскій собственно говоря никогда не бунтовалъ и не возставалъ противъ Россіи или принадлежности къ русскому государству. Народъ относился всегда къ этому весьма равнодушно, а возставало польское общество, стремившееся къ возстановленію своего государственнаго значенія, которое оно утратило съ раздѣломъ Польши, и польское духовенство по своему непримиримому антагонизму съ православіемъ.

III.

Если русская Государственная власть въ рѣшеніи польскаго вопроса остановится на образованіи изо всѣхъ польскихъ земель отдѣльнаго Государства, то несомнѣнно, что руководящую роль въ немъ займутъ Галицкіе польскіе политическіе дѣятели, отношеніе которыхъ къ Россіи до крайности враждебно, а вождѣленія—ея разгромъ и возрожденіе Польши „отъ моря до моря“ при помощи Германіи. Когда въ 1913 или въ началѣ 1914 года Германское правительство въ первый

разъ въ дѣйствительности приступило къ осуществленію закона о принудительномъ отчужденіи земель Познани изъ Польскаго владѣнія для нѣмецкой колонизаціи, дотолѣ не примѣнявшагося на практикѣ, и скупило три польскихъ имѣнія, то польскіе депутаты австрійскаго рейхстага выступили было съ предложеніемъ Австрійскому правительству вступиться за польскихъ землевладѣльцевъ Познани предъ своей союзницей, но представитель крупнѣйшей польской партіи Дашинскій выступилъ противъ этого съ горячей рѣчью, въ которой указалъ, что не противъ нѣмецкаго засилья слѣдуетъ бороться, а съ исконнымъ, непримиримымъ врагомъ Польши—Россіею. „Пусть пропадаетъ вся Познань, но мы должны вмѣстѣ съ Германіей разгромить Россію, потому что только тогда можетъ возродиться Польша „отъ моря до моря“, таково было заключеніе его рѣчи и возраженій противъ нея не послѣдовало, и голоса, просившіе защиты польскаго землевладѣнія въ Познани, смолкли безъ результата.

Если поляки еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ не видѣли и не понимали, кто ихъ дѣйствительный врагъ, стремящійся не только къ господству надъ ними, уже пріобрѣтенному, но и къ ихъ искорененію, то гдѣ-же и въ чемъ состоитъ ручательство въ томъ, что теперь они прозрѣли? Лойяльное поведеніе поляковъ Привислинскаго края? Конечно это явленіе утѣшительное, но могло-ли быть иначе, когда они очутились въ ничтожнѣйшемъ числѣ между колоссальнымъ молотомъ германскаго нашествія и твердой наковальней русской силы, при народѣ, какъ выше замѣчено, не питающемъ ни малѣйшей вражды къ русской власти? „Политическіи разсчетъ долженъ-бы, кажется, помѣшать имъ дѣйствовать за одно съ нѣмцами противъ Россіи“, предполагаетъ авторъ записки. Да, пока Германія сильна и состязаніе ея съ Россіею могло окончиться ея выигрышемъ, поляки имѣли основаніе опасаться поглощенія ею. Но если война, какъ можно съ вѣроятностью предполагать, окончится разгромомъ Германіи

и разложеніемъ ея на составныя части, что необходимо для устраненія новыхъ поползновеній Германіи на подчиненіе всего міра своему владычеству, то поляки, согласно воззванію Верховнаго Главнокомандующаго, пріобрѣтутъ отъ нашихъ противниковъ все польское, безъ остатка и съ этой стороны имъ не останется ничего желать и ничего опасаться, ибо соединенныя польскія дѣльницы составятъ уже сами по себѣ очень солидную величину съ 20 слишкомъ милліонами населенія. Весьма легко можетъ быть, что въ этихъ размѣрахъ Польша будетъ однимъ изъ самыхъ большихъ, если не самымъ большимъ государствомъ центральной Европы. Другое дѣло относительно Россіи. Опасаться ея полякамъ тоже не будетъ причинъ, но въ ея нѣдрахъ будутъ заключаться неудовлетворенныя, но страстныя желанія поляковъ, къ удовлетворенію которыхъ они несомнѣнно будутъ стремиться постоянно и всякими способами, вступая для того въ союзъ со всѣми нашими врагами, а число ихъ, какъ сказано выше,

послѣ благополучнаго окончанія войны съ желательными для насъ послѣдствіями, значительно увеличится.

VI.

Но, разсуждая о вопросѣ возстановленія Польскаго государства, невольно приходитъ на умъ соображеніе: да способна-ли она къ самостоятельной государственности? Не попадетъ-ли она опять въ то состояніе внутренней анархіи, которое сдѣлало ее жертвою ея сосѣдей въ концѣ XVIII вѣка, когда она, по словамъ А. С. Хомякова, приводимымъ въ запискѣ, „разорванная, разграбленная, окровавленная своеволіемъ своихъ аристократовъ, грозила спокойствію своихъ сосѣдей и губила свой народъ“?

Вотъ истинные виновники гибели Польши,—вотъ кто убилъ ея государственность. Вѣдь только потому и возможенъ былъ раздѣлъ этого обширнаго и когда то сильнаго государства, что къ этой эпохѣ оно представляло изъ себя трупъ, не способный къ сопротивленію и про-

цессомъ своего гніенія безпокоившій сосѣдей. Нельзя себѣ представить, чтобы живое государство лишилось самостоятельности безъ отчаяннаго сопротивленія, а это именно и случилось съ Польшей. На нашихъ глазахъ сейчасъ совершаются геройскіе подвиги маленькихъ Сербіи, Черногоріи и Бельгіи, отчаянно борющихся за свое существованіе, не задумавшихся бросить всѣ свои слабыя силы на сопротивленіе Австро-германскимъ Голіаѳамъ, чѣмъ и доказали свою способность и право на независимое существованіе. А Польшу четыре раза кромсали и перекраивали и она, какъ трупъ, не оказала никакого противодѣйствія. Послѣдующіе заговоры и возстанія въ русской дѣльницѣ не опровергаютъ этого заключенія: это были вспышки, организованныя можетъ быть стараніями извнѣ и по несвоевременности едвали отвѣчали истиннымъ интересамъ польскаго дѣла.

Такимъ образомъ, создавая независимое польское государство, мы создадимъ не только страну, намъ безусловно враждебную, но и очагъ

вѣчнаго кипѣнія политическихъ страстей, интригъ и переворотовъ, которые неизбѣжно отразятся на спокойствіи нашего существованія, а, охраняя его, вынудятъ насъ ко вмѣшательству и приведутъ къ такимъ международнымъ столкновеніямъ, которыя могутъ породить для насъ массу нежелательныхъ, непріятныхъ и даже опасныхъ осложненій.

V.

Не оспаривая, что ни автономія, ни тѣмъ болѣе личная унія не поведутъ къ улучшенію отношеній Поляковъ къ Русскимъ, нельзя однако оставить безъ замѣчаній многихъ доводовъ записки въ пользу образованія польскаго государства какъ наилучшаго рѣшенія польскаго вопроса, или, вѣрнѣе, изъ всѣхъ золъ меньшаго.

„Насильственное соединеніе польскаго народа съ Русскимъ государствомъ въ высшей степени вредно не только для Польши, но и для самой Россіи“, говорится въ запискѣ. Совершенно вѣрно, что для Россіи

это не только вредно, но это тяжкій крестъ, который осужденъ нести русскій народъ, но совершенно несправедливо, чтобы это было вредно для „польскаго народа“, для Польши, какъ страны. Именно подъ русскимъ владычествомъ расцвѣла страна въ экономическомъ отношеніи, именно русская власть освободила народъ польскій изъ-подъ гнета тяжелаго панскаго ярма и упорядочила его существованіе. Стремится къ „отбудованію“ вовсе не польскій народъ, а шляхетство и католическое духовенство, по причинамъ, ничего общаго съ народными интересами не имѣющимъ, но удовлетворяющимъ ихъ личныя честолюбивыя стремленія. Что эти слои польскаго народа будутъ всегда устраивать заговоры и подбивать народъ къ возстанію— это несомнѣнно, но тутъ нельзя не вспомнить приводимаго-же въ Запискѣ мнѣнія Ю. Ѳ. Самарина о путяхъ къ разрѣшенію политическаго вопроса о Царствѣ Польскомъ, при чемъ на первомъ мѣстѣ онъ ставитъ „нераздѣльное сочетаніе Польши съ Россіей учрежденіемъ въ первой—

власти, въ русскихъ рукахъ сосредоточенной и настолько сильной, чтобы убѣдить поляковъ въ безнадежности всякаго возстанія". На второмъ мѣстѣ онъ ставитъ полное отреченіе Россіи отъ Польши, но этотъ путь въ этнографическихъ границахъ Польшу не удовлетворитъ и съ Россіей не примиритъ и если подвластная Россіи Польша, по выраженію Аксакова, „есть рана, истощающая Россію", то она доступна лѣченію хотя-бы путемъ, указаннымъ Ю. Ѳ. Самаринымъ, Польша-же, отдѣленная будетъ такою-же раною, но недоступною лѣчебному воздѣйствію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что никакая, хотя-бы самая широкая автономія не удовлетворитъ поляковъ,— русскихъ—не болѣе, чѣмъ познанскихъ, а ужъ объ австрійскихъ и говорить нечего. Но, какъ выше сказано, ихъ столь-же несомнѣнно не удовлетворитъ и полное отдѣленіе отъ Россіи безъ западныхъ губерній. Столь-же правдоподобно, что, получивъ автономію, поляки будутъ постоянно стремиться къ бо́льшему политическому обособленію, какъ это

можно видѣть на приводимомъ запискою примѣрѣ—Финляндіи.

Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что права Финляндіи оставались неосуществленными ровно 52 г. (съ 1808 до 1860 г.) и никакого неудовольствія это не вызывало. Вожделѣнія Финляндіи стали возрастать именно съ тѣхъ поръ, какъ Русская государственная власть начала одѣлять Финляндію правами, льготами и прочими благостынями. Нравоученіе отсюда можно вывести какъ разъ противоположное тому, къ которому желала привести записка, именно: для того, чтобы страна оставалась спокойна, не слѣдуетъ поощрять ея стремленій къ обособленію. Можно съ большою долею вѣроятности утверждать, что если-бы въ царствованіе Александра II Финляндія оставалась въ томъ-же положеніи, въ какомъ была въ царствованіе Александра I и Николая I-го, то народныя страсти не возбуждались-бы Мехелинами, Свинхвудами и имъ подобными.

Залогомъ спокойствія Государства вообще и въ особенности инородческихъ частей, историческими судь-

бами въ него включенныхъ, служитъ твердая власть, охраняющая безъ колебаній и послабленій опредѣленный порядокъ, законами установленный, не допускающій ни малѣйшихъ отъ нихъ уклоненій. Господствующее у насъ направленіе, именуемое „либеральнымъ“, относится къ такой власти отрицательно, смѣшивая ее съ произволомъ деспотизма, „полицейскимъ режимомъ“, душащимъ проявленіе всякой „свободной“ мысли и представляя себѣ либеральный режимъ въ видѣ устраненія всякой власти и сводя свободу на своеволіе. Но въ дѣйствительности при самомъ либерально-прогрессивномъ государственномъ укладѣ можетъ осуществляться и твердая власть, какъ это видно на примѣрѣ хотя-бы Англіи и даже Франціи. Установленіе такового режима въ нашихъ инородческихъ провинціяхъ, нисколько не препятствуя ихъ развитію ни въ культурномъ, ни въ экономическомъ отношеніи, будетъ въ состояніи сдерживать всякія поползновенія, клонящіяся во вредъ государству.

VI.

Въ числѣ причинъ, препятствующихъ установленію мирнаго сожительства Польскаго и Русскаго народовъ, запиской приводится разность культуръ и вѣръ. Едва-ли справедливо будетъ утверждать, что эти именно причины породили враждебность между обоими народами. Да въ сущности какая разница между ихъ культурами? Поляки всецѣло заимствовали свою культуру съ Запада и было-бы очень мудрено указать въ ея внутреннемъ содержаніи что-нибудь характерно-польское, которое если и можно отмѣтить, то только во внѣшнихъ проявленіяхъ повседневной жизни. Русская культура уже двѣсти лѣтъ какъ утратила свою самобытность и втиснута вначалѣ насильно въ рамки той-же западно-европейской культуры. Хотя поляки и кичатся своей высшей противъ Россіи культурой, но будетъ очень трудно опредѣлить точнымъ указаніемъ въ чемъ состоятъ ея преимущества.

Намъ кажется, что вражда между польскимъ и русскимъ народами порождена причинами исключительно свойства политическаго. Впрочемъ и взаимности въ этой враждѣ нѣтъ. Ни русскій народъ, ни тѣмъ болѣе русское общество и даже правительство не враждебны Польшѣ. Это она непримиримо враждебна Россіи, считая ее главной виновницей крушенія польскаго государства.

Что касается до различія вѣръ, то дѣйствительно оно, не составляя непосредственной причины враждебности, значительно ее обостряетъ, отождествляя польскіе государственные и католическіе духовные интересы и вожделѣнія.

Въ подтвержденіе мысли, что полное отдѣленіе Польши отъ Россіи будетъ наилучшимъ разрѣшеніемъ Польскаго вопроса выставляется затруднительное положеніе Русскаго Царя, который, будучи по происхожденію русскимъ, а по вѣрѣ православнымъ не можетъ „одинаково любить“ своихъ инородныхъ подданныхъ и „жить со всѣми одною духовною жизнью“.

Совершенно справедливо,—не можетъ, но мы скажемъ больше: и не долженъ. Главная причина нашей разрухи внутренней и неудачъ внѣшнихъ именно и заключается въ томъ, что наши цари зачастую чувствовали гораздо большее влеченіе и отдавали предпочтеніе всякой иноземщинѣ, инородчинѣ и иновѣрію. Это, кажется, не требуетъ доказательства примѣрами—ихъ болѣе чѣмъ достаточно и они общеизвѣстны. Въ правильно организованномъ государствѣ глава его конечно долженъ по крови и вѣрѣ принадлежать къ господствующей народности, но это еще никогда и нигдѣ не препятствовало мирному сожитію подъ единою властію входящимъ въ составъ государства иновѣрцамъ и иноплеменникамъ. Разная степень любви къ подданнымъ корректируется справедливостью, которая однако не исключаетъ непремѣннаго условія—преимущественнаго значенія интересовъ господствующей народности. Что касается вопроса вѣроисповѣднаго, то и тутъ къ государственной власти можетъ быть предъявлено

тоже требованіе — соблюденіе справедливости въ отношеніи иновѣрія, т. е. вѣротерпимость. Но нарочитыми заботами и поддержкою должна пользоваться только господствующая религія. Если государство дѣйствительно религіозно, то оно не можетъ относиться одинаково ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ т. е. быть ко всѣмъ равнодушнымъ. Но это ни мало не препятствуетъ вѣротерпимости.

Это доказываетъ и сама жизнь, ибо нѣтъ въ мірѣ государства, въ которомъ всѣ входящія въ него народности принадлежали бы къ одному вѣроисповѣданію, но эта причина не ставила въ затруднительное положеніе ни одного властителя. Не можетъ быть такого затрудненія и въ Россіи. Если католичество уживается съ протестантскими государями Англіи и Германіи, то нѣтъ причинъ быть по иному и въ Россіи.

VII.

Изъ трехъ возможныхъ разрѣшеній вопроса о русско-польскихъ отношеніяхъ на основаніи Воззванія Вер-

ховнаго Главнокомандующаго: внутренняго самоуправленія, личной уніи и полнаго отдѣленія отъ Россіи наихудшимъ безъ сомнѣнія явилось-бы второе—личная унія, которая дѣйствительно поставила-бы личность Государя въ положеніе какого-то совершенно неестественнаго раздвоенія и такая организація не представляла-бы никакихъ условій ни прочности, ни долговѣчности, какъ это обстоятельно доказано въ запискѣ. Для сравненія остаются такимъ образомъ только два остальныя.

Какъ аргументъ въ пользу нашего отказа отъ Привислинскаго края выставляется, что „мы тѣмъ самымъ значительно исправили бы свою границу въ стратегическомъ отношеніи“. Тутъ, очевидно, есть недоразумѣніе. Граница по Вислѣ и Нареву (?), какъ предполагалъ покойный Государь Николай I-й, дѣйствительно границу исправила бы. Но вѣдь Привислинскій край лежитъ по обѣимъ сторонамъ Вислы. По нашу, правую сторону этой рѣки расположены губерніи Люблинская и бывшая Сѣдлецкая (Плоцкая и Ломжинская отграничи-

ваются отъ насъ р. Наревомъ). Эти отдѣляются отъ нашихъ западныхъ губерній р. Бугомъ, которая составляла бы очень хорошую границу, но таковой быть не можетъ, потому что въ Забужьи находится только что выдѣленная изъ правобережныхъ польскихъ губерній—губернія Холмская, границы которой имѣютъ со стороны остальной части польскихъ губерній самыя, можно сказать, причудливыя фантастическія очертанія и если они еще кое-какъ терпимы въ отношеніи административномъ, то въ стратегическомъ и политическомъ представляютъ нѣчто, совершенно невозможное. Но выключить Холмъ изъ состава Россіи было бы величайшей ошибкой, и не только ошибкой, но и преступленіемъ противъ Русскаго народа. Граница Холмской губерніи стѣснена и изломана до послѣдней возможности въ угоду польскихъ интересовъ. Если бы русская власть была озабочена русскими, то она вспомнила бы, что среди мѣстныхъ русскихъ Холмичанъ — червоно-руссовъ какъ и въ Галиціи еще до сихъ поръ сохра-

нился обращенный къ полякамъ окрикъ: не тронь Ляше, по Санъ— наше! Но, конечно, передѣлать граничные узоры Холмщины будетъ теперь очень трудно и такимъ образомъ отказъ отъ Привислинскаго края не только не улучшитъ наши границы въ стратегическомъ отношеніи, но наоборотъ сдѣлаетъ нашу государственную границу прямо невозможно дурной и до послѣдней степени безсмысленной. Такимъ образомъ аргументъ исправленія границъ въ пользу отдѣленія Польши— отпадаетъ.

VIII.

Обращаясь за симъ къ вопросу о значеніи, какое возымѣетъ отказъ отъ Польши для русскаго правительства и народа, то конечно „свободный даръ“ не унижаетъ побѣдителя; не унизитъ и наше правительство. Но позволительно сильно сомнѣваться, чтобы такое проявленіе великодушія за счетъ неимовѣрныхъ трудовъ русскаго народа, за счетъ потоковъ его крови, которою трижды залитъ буквально каждый шагъ При-

вислинскаго края, а теперь поливается и Галиція, было бы ему пріятно и не возбудило бы въ немъ чувства неудовлетвореннаго возмездія. Сравненіе съ послѣдствіями Балканскихъ побѣдъ 1877 г. едва ли удачно. Если мы тамъ и не сдѣлали земельныхъ пріобрѣтеній (а возвратъ Бессарабіи, пріобрѣтеніе Батума и Карса въ Мал. Азіи?), то и не отдали ничего своего, ранѣе кровію пріобрѣтеннаго, а славянскія государства образовали изъ земель, принадлежавшихъ туркамъ. Въ польскомъ же вопросѣ дѣло обстоитъ далеко не такъ. Если въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ она, распавшись по своей же винѣ, досталась частью своею намъ по раздѣлу, то съ тѣхъ поръ она была дважды завоевана, при чемъ не Россія, а она сама вызвала необходимость кровопролитія. Для правительства отказъ отъ Польши послѣ побѣды можетъ быть и будетъ не унизителенъ, но для русскаго народа и его войска онъ будетъ въ высшей степени оскорбителенъ, а потому и крайне опасенъ для внутренняго мира и спокойствія

государства. Не надо забывать, что, несмотря на кажущееся успокоеніе, Россія кишитъ разрушительными стремленіями, которыя готовы воспользоваться возникновеніемъ все равно какого бы то ни было обстоятельства, чтобы использовать его во вредъ государства—будь то учебная реформа, промышленные вопросы, помощь раненымъ, нѣмецкое засилье, хутора—все пригодно для подтачиванія русской государственной силы этимъ спекулянтамъ на ея пониженіе. Не преминутъ они воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, какъ отнятіе плода неимовѣрныхъ трудовъ, страданій и лишеній, если даже народъ и войско сами не возмутятся такими послѣдствіями. Не думаю, чтобы среди русскихъ людей нашлось много, сочувствіе которыхъ склонилось бы на сторону отдѣленія Польши. Если его еще можно было ожидать, когда отдѣленіе совершилось бы среди мира, какъ необходимая въ интересахъ Россіи государственная мѣра, то послѣ такой войны—это совершенно немыслимо.

IX.

Но, если даже русско-польскія отношенія будутъ разрѣшены нашимъ отказомъ отъ польскихъ земель и образованіемъ самостоятельнаго польскаго государства, то нельзя не протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ мысли, высказывающейся нѣкоторыми общественными дѣятелями—привлечь къ участію въ его организаціи державы тройственнаго согласія. Какова бы ни была дальнѣйшая судьба Польши и Россіи нельзя никого допустить стать между ними. Наши будущія отношенія должны быть совершенно свободны, никто не долженъ имѣть права вмѣшательства и своимъ возрожденіемъ Польша должна быть обязана только Россіи, ея внутренняя организація можетъ регулироваться только Россіей, потому что только на Россіи, ея интересахъ и спокойствіи можетъ отразиться внутреннее состояніе Польши. Россія не должна вмѣшиваться во внутреннее устройство независимой Польши по стольку, по скольку это не вредитъ ея, т.-е. Россіи, интересамъ. Но при-

влеченіе къ сему постороннихъ державъ было бы огромною и можетъ быть пагубною ошибкою.

Польша, образовавшаяся даже въ ея этнографическихъ предѣлахъ, составитъ одно изъ крупнѣйшихъ государствъ средней Европы и ни въ чьей опекѣ нуждаться не будетъ. Ея сосѣдство будетъ чувствительно исключительно только для Россіи, только Россія будетъ вынуждена зорко наблюдать за происходящимъ въ ней и съ этимъ согласовать свои къ Польшѣ отношенія, не стѣсняясь мнѣніями державъ тройственнаго теперь согласія, которое за устраненіемъ германской опасности легко можетъ превратиться въ разногласіе, если Россія, на которую и теперь всѣ смотрятъ какъ на предметъ эксплоатаціи, будетъ твердо идти по пути охраненія русскихъ экономическихъ интересовъ. А вмѣшательство европейскихъ державъ не только не предотвратитъ попытокъ поляковъ распространить свои границы въ нашу сторону, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ будетъ таковымъ содѣйствовать.

X.

Всѣ вышеизложенныя соображенія приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Образованіе изъ польскихъ земель самостоятельнаго государства въ этнографическихъ границахъ не достигнетъ цѣли, которую преслѣдуетъ—примиренія поляковъ съ русскими, потому что не удовлетворяетъ польскихъ притязаній на границы 1770 года, отъ которыхъ поляки не отказались и едва ли когда откажутся, въ особенности возродившись въ независимое государство, какъ не откажутся отъ роли первенства въ славянскомъ мірѣ, для достиженія которой присоединеніе къ польскимъ владѣніямъ нашихъ западныхъ губерній необходимо.

2) По этой причинѣ сосѣдство независимой Польши будетъ для Россіи и безпокойно и крайне опасно въ виду того, что западныя губерніи находятся подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ въ экономическомъ и духовномъ отношеніи, гдѣ и сейчасъ идетъ дѣятельная пропаганда

отчужденія отъ Россіи и окатоличенія—ополяченія тожъ, населенія, встрѣчающая лишь очень слабое противодѣйствіе со стороны разрозненныхъ русскихъ вліяній, не пользующихся должной поддержкою со стороны правительства, переполненнаго поляками во всѣхъ вѣдомствахъ и на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы.

3) Отказъ русскаго правительства послѣ побѣдоносной войны, стоившей неисчислимыхъ жертвъ, русскому народу, отъ значительной части собственности русскаго государства, за которую пролито тоже не мало потоковъ крови русскато воинства, неизбѣжно возбудить такое негодованіе въ народѣ и войскѣ, послѣдствія котораго мотутъ оказаться крайне прискорбными. Пріобрѣтеніе русской части Галиціи не можетъ считаться вознагражденіемъ за потерю Польши, ибо и эта куплена слишкомъ дорогою цѣною, заплаченной особо и кровію, и имуществомъ, и неслыханными страданіями.

4) Съ отдѣленіемъ отъ Привислинскихъ губерній Холмщины, сдѣлалось, если не невозможно, то чрезвычайно затруднительно установленіе такой границы между Россіей и этнографической Польшей, которую было бы возможно надлежащимъ образомъ блюсти и охранять, что поведетъ къ безконечнымъ столкновеніямъ.

Поэтому:

5) въ интересахъ спокойствія Россіи и справедливаго удовлетворенія народныхъ жертвъ, наилучшее осуществленіе обѣщаній Воззванія Верховнаго Главнокомандующаго выразилось бы въ предоставленіи соединеннымъ польскимъ дѣльницамъ внутренняго самоуправленія, хотя бы въ самыхъ широкихъ границахъ, но при твердой охранѣ интересовъ Русской государственности. Если при этомъ враждебность поляковъ не умалится, то по крайней мѣрѣ они будутъ подъ воздѣйствіемъ русской государственной власти, отъ бдительности которой будетъ зависѣть не допускать до взрыва непріязненныхъ чувствъ.

6) Но если, вопреки всѣмъ показаніямъ крайней опасности для Россіи, правительство избрало бы путь отдѣленія Польши наиболѣе цѣлесообразнымъ для установленія добрыхъ отношеній между обоими народами, то, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ въ это дѣло допускать вмѣшательство другихъ державъ въ какомъ бы то ни было видѣ.

Этотъ „споръ славянъ между собою“ и долженъ быть разрѣшенъ только заинтересованными славянами.

К. Пасхаловъ.

25 Мая 1915 г. г. Алексинъ, Тульск. губ.

Печатня А.И.Снегиревой Москва. 10871.
1915.

КОПИРОВАНИЕ
25.11.03
КОПИРОВАНИЕ
16.04.04